

Глава 5

Чэн Янь явился как нельзя вовремя — как раз к обеду. Он велел подать лишнюю чашу риса и уселся за стол вместе с Чу Ваном.

— Послушай, — начал он, — та история с нефритом... Сколько времени прошло с тех пор, как он упал в озеро?

Чу Ван, усердно вылавливая из тарелки жареный арахис, буркнул:

— Больше полумесяца!

В его голосе явственно слышалась застарелая обида. Чэн Янь, проигнорировав его тон, обвёл взглядом стол.

— Прошло всего полмесяца, а твоё поместье уже на грани разорения?

Бланшированные побеги капусты, суп из тофу, яичница с зелёным луком да плошка арахиса... Разве так должен обедать великий цзюньван? Разве о такой трапезе мечтал Чэн Янь, впервые обретя человеческую плоть?

Чу Ван растерянно моргнул:

— А?..

Лишь когда до него дошёл смысл насмешки, он поник и тихо проговорил:

— Господин Журавль, когда вы исчезли, у меня совсем пропал аппетит. Я просто велел кухарке готовить что-нибудь попроще, обычную домашнюю еду.

Чэн Янь наконец-то почувствовал, что голод немного отступил. Уловив настроение мальчика, он не удержался и легонько щелкнул того по лбу.

— Сегодня я преподам тебе первый урок: еда — это основа жизни. Что бы ни случилось, нельзя обижать собственный желудок. Ты что же, думал, если будешь питаться одной травой, то растрогаешь небеса и заставишь меня вернуться?

— Я ещё и благовония жёг каждый день! — вставил Чу Ван.

Чэн Янь промолчал.

Он и сам толком не понимал, как обрёл тело, так что не брался судить, помогли ли старания этого маленького дурачка.

— Раз уж я вернулся, не забивай себе голову всякой чепухой. Всё, что недоел за это время, придётся восполнить. И перестань ты выживать один арахис!

— Но он же самый вкусный, — невинно отозвался Чу Ван.

В итоге Чэн Янь и сам включился в охоту за орешками.

Когда в миске осталось всего штук шесть, мужчина, которому стало совестно отнимать еду у ребёнка, отложил палочки и спросил:

— Как ты меня узнал?

Сам он признал бы цзюньвана в любом обличье. Пока он пребывал в нефрите, они каждый день пялились друг на друга. И пусть сейчас мальчик выглядел неважно, он всё равно оставался всё тем же пригожим юношей. Пухлые щеки, круглые ясные глаза — с виду и не скажешь, что у него проблемы с разумом.

Но вот то, что Чу Ван узнал его мгновенно, не дав даже шанса придумать какую-нибудь легенду, искренне озадачило Чэн Яня. Неужели он в этом теле и впрямь чем-то напоминает журавля?

Юноша, не раздумывая, ответил:

— Просто посмотрел и сразу понял.

— Но ты ведь никогда не видел меня в этом обличье. Неужели не побоялся, что я обычный пройдоха, решивший пообедать за твой счёт?

Собеседник решительно мотнул головой:

— Господин Журавль, я узнал вас с первого взгляда.

Заметив на лице Чэн Яня тень сомнения, Чу Ван поспешно добавил:

— Правда, я правда узнал! Я почувствовал ваш запах и сразу всё понял.

Чэн Янь помрачнел.

«Неужели от меня до сих пор несёт озёрной тиной?»

Быть того не могло. В пруд упал нефрит, а не это тело. Неужели Небеса, обделив Чу Вана умом, наградили его взамен невероятным чутьём?

Чэн Яню до смерти хотелось подключиться к базе данных Изначального источника. Локальные данные уже не могли дать ответов на лавину вопросов, роившихся в голове.

Когда с обедом было покончено, Чу Ван преданно заглянул ему в глаза:

— Господин Журавль, вы... вы теперь уйдёте?

Чэн Янь, который никуда уходить не собирался, вдруг почувствовал себя нахлебником, решившим поселиться в княжеском доме на всём готовом. Чтобы придать своему визиту хоть каплю достоинства, он кашлянул и произнёс:

— Я пришёл, чтобы исцелить тебя. Так что пока останусь.

Он поднял свертки с лекарствами, принесённые из лавки:

— Вели на кухне приготовить это. По одной порции в день. Все указания я записал.

Чу Ван тут же испуганно спросил:

— Оно горькое?!

Чэн Янь потер подбородок:

— Сложно сказать...

Слишком долго он был лишён вкуса, чтобы помнить такие нюансы.

Лицо Чу Вана вытянулось, но он послушно принял свертки.

— Господин Журавль, поселитесь в комнате рядом со мной? Я велю служанкам всё подготовить.

Чэн Янь кивнул, но, не выдержав, всё же поправил его:

— Перестань звать меня Господином Журавлем. Я вовсе не птица.

— А как же мне тогда называть вас?

Чэн Янь уже готов был выпалить: «Я — номер 001», но, встретившись с пристальным взглядом юноши, сам не понимая почему, произнёс:

— Зови меня Чэн Янь.

Первое правило экзамена на профпригодность Системы гласило: «Будь беспристрастным инструментом. Ни при каких обстоятельствах объект не должен узнать, что за искусственным интеллектом стоит человек. Только номер, никакого имени».

«Да и плевать, — подумал он. — Изначальный источник тоже твердил, что получить тело без накопления силы души невозможно»

Чу Ван схватил его за руку, не замечая собственной дерзости:

— Чэн Янь... А как это пишется? Ой, я же совсем не умею писать! Чэн Янь, а вы умеете? Научите меня!

Внимание Чэн Яня мгновенно переключилось.

— Ну, для начала нужно посмотреть, какой шрифт принят в этой династии.

В его базе данных не было ничего, с чем бы он, лучший в своём роде, не смог справиться.

Учить дурачка грамоте оказалось делом непростым, но выполнимым. Чу Ван хоть и был скудоумен, а мысли его вечно витали в облаках, обладал одной чертой: если он вбивал себе что-то в голову, то прикладывал вдесятеро больше усилий, чем любой одарённый ученик.

Первым делом он освоил иероглиф «Янь». Сравнив свои каракули с образцом, оставленным Чэн Янем, он горестно вздохнул:

— Почему у меня так уродливо получается?

Наставник заглянул в его листок и ободряюще произнёс:

— Сегодня уже лучше, чем вчера. Искусство письма требует времени. Старайся.

Он поставил на край стола чашу с тёмным отваром:

— А теперь выпей лекарство.

Чу Ван тут же подскочил на месте:

— Не буду! Не хочу!

Чэн Янь лишь вздохнул.

Заставить этого малого учиться было легко, но вот уговорить его выпить снадобье — задача почти невыполнимая. Стоило ученику пригубить первую порцию, как вся радость от встречи с «небожителем» испарилась. Он готов был выставить лекаря вместе со всеми его травами за ворота, и только суровое принуждение заставляло его подчиниться.

— Как оно может быть не горьким?! Сами попробуйте! Это же чистая отравка! — вопил Чу Ван, отчаянно сопротивляясь.

— Да что там может быть такого ужасного? Не веришь — я выпью с тобой за компанию!

Для того, кто не ел и не пил вечность, вкус лекарства оказался... специфическим.

Он отхлебнул немного и, сохранив полную невозмутимость, поставил чашу:

— Ну... вполне сносно. В общем, если хочешь стать умнее — пей.

Сказав это, он пулей вылетел во двор, чтобы прополоскать рот и избавиться от тошнотворной горечи.

— Вы же говорили, что не горько! — донёсся из дома возмущённый крик Чу Вана.

— Пей, я сказал! — отрезал Чэн Янь, приняв вид сурового учителя.

Уговаривая и обманывая мальчишку всеми правдами и неправдами, мужчина впервые подумал, что воспитывать детей — это суцкая мука.

Опустошив чашу, Чу Ван впал в апатию. Он развалился на столе, лениво возя пальцем в лужице чернил.

— И долго мне ещё это пить?..

— Это только первый этап, нужно привести твоё тело в порядок, — пояснил Чэн Янь. — На втором этапе добавим иглоукалывание и лечебные ванны, чтобы вывести остатки яда из мозга. Ну а в конце закрепим результат. Всего-то месяц-другой.

Мальчик не знал, стал ли он умнее, но смысл слов уловил. Он принялся загибать пальцы:

— О небо! Ещё так долго!

Чэн Янь сунул ему в рот сладкое пирожное:

— Заешь горечь. А теперь дай руку, проверю пульс.

Тот послушно протянул ладонь, но тут же начал торговаться:

— Я хочу ещё один кусочек.

— Хочешь ещё одну чашу лекарства?

Чу Ван обиженно надулся:

— Господин Журавль, когда вы стали человеком, вы стали куда вреднее.

Чэн Янь не ответил. Он прижал пальцы к запястью юноши, и лицо его стало сосредоточенным.

Мальчик тоже напрягся:

— Что-то не так?

Чэн Янь покачал головой, убирая руку:

— Всё в порядке. Продолжай писать, а я схожу за травами.

При упоминании трав Чу Ван мигом притих и перестал задавать вопросы.

Чэн Янь уже успел переодеться. Он заказал в лавке два костюма, какие обычно носят лекари, и за доплату внёс в них кое-какие изменения. Теперь, когда он взмахивал широкими рукавами, от него веяло той самой благородной отстранённостью, что так подкупает людей.

Стоило ему расправить плечи и принять серьёзный вид, как он тут же становился воплощением достоинства. По столице уже поползли слухи, будто в резиденции цзюньвана объявился таинственный бродячий целитель, обладающий невероятными познаниями.

По крайней мере, этот лекарь сумел угодить маленькому цзюньвану, и тот объявил, что больше не ищет никакую нефритовую подвеску.

Но вылечить цзюньвана? В это никто не верил. Все лишь наблюдали со стороны, посмеиваясь над очередной причудой юродивого.

Набирая коренья в аптеке, мужчина на мгновение задумался и взял кое-что для себя — для укрепления сил. Его нынешнее тело было настолько слабым, что он всерьёз опасался отдать концы раньше своего пациента.

Работа с рецептами для мальчика требовала предельной точности. Он подолгу размышлял над дозировкой некоторых компонентов.

Состояние юноши оказалось куда плачевнее, чем он предполагал. Годы воздействия яда не только повредили разум, но и подточили само основание жизни. Даже если он исцелит его мозг, Чу Ван вряд ли станет долгожителем.

Ускорить лечение было нельзя — ударная доза могла просто убить его. Если Чэн Янь сумеет спасти Чу Вана от ложного обвинения и казни, но при этом сам сведёт его в могилу неправильным лечением — это будет злой шуткой судьбы.

К тому же цзюньван сейчас был один. У него не было никого, кто мог бы принимать за него решения, и Чэн Янь не считал, что мальчик способен осознать все последствия. У него просто не поворачивался язык сказать этому маленькому дурачку: «Даже если ты станешь самым умным на свете, тебе осталось недолго».

Не поворачивался язык...

Чэн Янь горько усмехнулся.

Он видел столько людской злобы и равнодушия, и надо же — теперь он сочувствует человеку.

Наверное, дело в том, что этот мальчик был слишком искренним и чистым. Сама мысль о том, чтобы обмануть его, отзывалась в душе Чэн Яня почти физической болью.

Времени до того дня, когда Чу Вана обвинят в мятеже, оставалось совсем немного. Более того, исцеление принца могло лишь ускорить события, превратив его в опасного соперника для врагов.

И всё же Чэн Янь решил рискнуть. Он собирался использовать слухи о своём мастерстве, чтобы создать вокруг себя ореол «Божественного лекаря» и тем самым получить рычаг влияния.

Вельможи и принцы — тоже люди. У них есть свои постыдные недуги и неизлечимые хвори. Став незаменимым врачом, он сможет диктовать свои условия.

В конце концов, за обвинением Чу Вана стоял вовсе не Дай Чигуань и не Третий принц, а сам Император.

Но и Сын Неба — всего лишь смертный. А какой смертный не грезит о долголетию?

Вернувшись с лекарствами, Чэн Янь вспомнил о разговоре, который произошёл у него несколько дней назад со слугой Чу Вана.

Тот слуга-книжник сопровождал принца на Празднике лотосов, и при воспоминании о тех событиях он до сих пор бледнел.

— ...Цзюньван увидел, как нефрит упал в воду, и бросился следом, не раздумывая. Он ведь совсем не умеет плавать! Слава небу, там было мелко, и мы успели его вытащить... Я чуть умом не тронулся от страха! До смерти буду винить себя за то, что не удержал его!

Чэн Янь пытался представить себе эту сцену, но память не сохранила ничего из того, что случилось после его падения в воду.

Он никак не мог осознать, что толкнуло Чу Вана на такой безумный поступок.

«Надо же... Нашёлся человек, который пошёл на такое ради меня»

Он вздохнул.

«Что ж, задержимся в этом мире подольше. Это не так уж и плохо. Кто знает, когда мне ещё выпадет шанс отведать нормальной еды»

<http://bllate.org/book/15870/1436576>